

Грудочко И.В. Радиоуглеродная хронология курганов с «усами» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки, 2019. Т. 19. № 3. С. 21–27.

Грудочко И.В., Епимахов А.В. Хронология курганов с «усами»: сравнительный анализ радиоуглеродных и археологических датировок // Казахское ханство в потоке истории: Сборник научных статей, посвященный 550-летию образования Казахского ханства. Алматы, 2015. С. 534–541.

Никольский В.Ю., Грудочко И.В. Геоархеологические исследования курганов с «усами» Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 273–282.

А.В. Евглевский

*Донецкий национальный университет, г. Донецк (ДНР),
a.yevglevsky@gmail.com*

Порода камня: проблемы и перспективы по устранению депаспортизации средневековых изваяний кочевников Евразии

Природные и антропогенные (халатность хранения, загрязненная среда, вандализм и т.д.) факторы привели к частичной или полной депаспортизации многих изваяний средневековых кочевников восточноевропейских степей, а в азиатском ареале это по ряду причин проявилось в гораздо меньшей степени. Депаспортизация ощутимо осложнила извлечение информации из скульптур.

Часто едва ли не единственной возможностью определить хотя бы приблизительный регион происхождения изваяний является детальное сопоставление их породы камня с геологическими характеристиками образцов камня, взятых в местах выхода его на поверхность, или, как минимум, ориентируясь на геологические карты. Однако со временем накопления источниковой базы образцов ко мне все больше приходило понимание, что полученные от геологов мини-уроки по определению породы камня, как и собственные наблюдения – это лишь недостаточный минимум. Необходимо более тесное сотрудничество с геологами, в частности, использование петрографо-минералогической методики исследования породы камня.

Доминирование определенной породы камня в регионе, точнее, поделочные характеристики камня не могли не воздействовать на скульпторов, во многом диктовали применение ими тех или иных инструментов, предопределяли появление не предусмотренных изобразительных нюансов. Порода камня играла важную роль в сложении иконографии скульптур у той или иной группы кочевников в определенный период времени на конкретной территории.

К петрографо-минералогическому методу обращались некоторые специалисты по средневековым изваяниям кочевников [Плетнева, 1974; Гераськова, 1991; Евглевский, 2005; и др.]. Иногда исследователи просто констатировали важность такого метода и намечали пути работы [Исаева, 2006; и др.]. И хотя этот метод в силу объективных и субъективных причин не гарантирует точного результата, что трудно достичь даже целым комплексом дополнительных мер, тем не менее, он помогает не только выяснить хотя бы приблизительный район изготовления изваяний и определить пути их перемещения на культовые объекты (курганы и оградки), но и во многих случаях будет способствовать установлению типологических характеристик скульптур, а в перспективе, возможно, создаст условия для очерчивания ареала того или иного племени и даже рода. В некоторых случаях, может быть, удастся выявить карьеры по добыче сырья, школы мастеров. Наконец, можно будет подобрать ин-

дивидуальный метод реставрации каждого отдельного изваяния и продумать необходимые климатические условия для их надлежащего хранения.

Петрографо-минералогический метод позволяет надеяться на прояснение ситуации (дать хотя бы рабочее объяснение) во многих труднообъяснимых случаях, например, когда изваяние по иконографии (типу), казалось бы, логично считать сделанным в конкретном районе, однако, соответствующая порода камня на геологической карте не показана. Например, в Северо-Западном Приазовье (междуречье Днепра и Молочной) обнаружено не менее полутора десятка изваяний, изготовленных из известняка и еще три – из ракушечника и ракушечника-известняка, причем подавляющее большинство находок сосредоточено в приморской зоне (Присивашье), где логично было ожидать значительный выход известняка на поверхность. Однако геологическая карта не показывает там каких-либо месторождений известняка. Этому может быть три объяснения: 1) монолиты для изготовления скульптур были привезены из соседних районов, где есть известняк; 2) все образцы, интерпретированные с помощью лупы, как известняки, определены неверно (но если последнее предположение теоретически возможно, то уж ракушечник спутать с другой породой невозможно); 3) на геологической карте по какой-то причине не отмечены выходы на поверхность известняков. Но почему? Ведь эта порода камня не относится к числу редких, ее невозможно было не заметить при любом способе изучения геологического строения региона.

В связи с проблемой с известняками в Присивашье особого внимания заслуживает изваяние 2-й пол. XII – 1-й пол. XIII вв. из биосферного заповедника «Аскания-Нова», изготовленное из дитрито-нуммулитового известняка. Нуммулиты (от лат. *nimmulus* – монетка) – род одноклеточных организмов отряда фораминифер. Нуммулитовый известняк складывается из пропитанных тонкими порами раковин, симметрично спирально завитых и имеющих форму округленной пластины или двояковыпуклую (реже до шарообразной) форму. Ископаемые остатки нуммулитов известны в верхнемеловых и палеогеновых отложениях тропиков и субтропиков Европы, Азии, Африки и Америки. Их наличие можно было ожидать и в Северо-Западном Приазовье, но почему-то на геологической карте Присивашья они не отмечены. Следовательно, изваяние или монолит-заготовка, скорее всего, было доставлено туда из Крыма, где нуммулитовые отложения имеются в достаточном количестве. Но в таком случае непонятно, почему мастера не использовали близко расположенные многочисленные выходы разных видов песчаников?

К сожалению, подобные проблемные случаи невозможно перечислить в ограниченных рамках тезисов, но в дальнейшей развернутой публикации на них можно будет подробно остановиться.

Немалую проблему представляет собой и состояние отобранных образцов, которые часто оказываются практически не пригодными для объективного исследования (или таковое сильно затруднено), так как верхний слой породы выветрен, т.е. вынесены информативные элементы. Речь, прежде всего, идет о песчаниках, выветренные образцы которых даже при осмотре через лупу можно спутать с известняками и гранитами. Однако проблема не только в плохой сохранности большинства изваяний, но и в том, что взять образец от скульптуры хорошего состояния часто оказывается невозможно то ли по причине запрета музейным руководством (и никакие аргументы не помогают), то ли из-за отсутствия на изваяниях поврежденных участков, что делает невозможным взятие образца без нанесения видимого повреждения скульптуре.

Большое значение исследование породы камня имеет тогда, когда от скульптуры практически ничего не осталось, т.е. бывает понятно лишь то, что она передает образ умершего средневекового кочевника. В этом случае по аналогиям структуры камня других адекватно изученных изваяний можно установить хотя бы примерные хронологические рамки.

Ко всем упомянутым трудностям в исследовании изваяний добавляется и катастрофическая нехватка средств для оплаты профессионального исследования образцов. Поэтому каждый образец, взятый от изваяния, с сохранившимся верхним слоем камня, если по нему удалось сделать шлиф, трудно переоценить.

Работа по отбору образцов средневековых каменных изваяний кочевников в нашем коллективе находится в самом разгаре, особенно много еще предстоит сделать по азиатскому ареалу, однако общие тенденции, где и сколько скульптур было изготовлено из тех или иных пород камня, уже определились. Так, для восточноевропейских степей можно уверенно говорить, что наибольшее количество изваяний было изготовлено из мелкозернистого кварцевого песчаника серого и желтовато-серого цвета с контактовым и пленочно-поровым цементом. Но если будут изготовлены шлифы, то численность изваяний, изготовленных из полевошпат-кварцевых песчаников, скорее всего, значительно повысится, так как при осмотре через лупу полевой шпат часто бывает не виден. Он интенсивно выветривается, замещается глинистым минералом и в результате выносится из породы. Вместо зерен полевого шпата остаются поры, поэтому создается впечатление, что песчаник имеет первично кварцевый состав [Исаева, 2006]. Примерно в два раза меньше, чем из песчаника, изготовлено изваяний из известняка, который представлен оолитовым строением, оолитовым с примесью целых и обломочных раковин (раковинно-детритово-оолитовым), а также известняком-ракушечником и ракушечником. Примерно в пять раз реже песчаниковых изваяний зафиксированы скульптуры из гранита. В редких случаях изваяния изготовлены из кристаллического сланца.

Наверняка после изготовления шлифов (пока они сделаны лишь по двум десяткам образцов) будут внесены многочисленные коррективы, но, в любом случае, мы продвинулись гораздо дальше, чем в свое время С.А. Плетнева, которая в фундаментальном исследовании «Половецкие каменные изваяния» без тесного контакта с геологами вынуждена была дать около пятой части изваяний такие размытые определения: «серый камень», «плитняк» и т.д. [Плетнева, 1974].

На данный момент анализ массива изваяний по такой паре сочетающихся признаков как порода камня и иконографический тип (этнокультурный пласт), позволяет убедительно говорить лишь о том, что, например, изваяния, изготовленные из гранита, где бы они ни были зафиксированы ныне в Восточной Европе, скорее всего, происходят из Северного Приазовья. Более-менее определить район изготовления можно также для изваяний, изготовленных из гнейса, кварцита или мела. Совсем другая ситуация с многочисленными видами песчаников и известняков, выходы на поверхность которых разбросаны на огромных просторах восточноевропейских степей со своими специфическими условиями формирования отложений. Здесь основная надежда не на осмотр образцов в лупу археологом и даже геологом, а на углубленные профессиональные петроглифо-минералогические методики, прежде всего, на микроскопическое изучение пород в прозрачных шлифах.

На основании полученной характеристики образца нужен будет следующий шаг – розыск подобных пород камня путем прохождения перспективных маршрутов, по ходу которых необходимо фиксировать все выходы коренных пород и в кабинетных условиях производить общее сравнение с образцами скульптур. Далее следует более точное сопоставление двух групп образцов микроскопическими методами, а при необходимости и возможности с помощью спектрального, химического и других анализов. В результате таких исследовательских шагов (поисковых полевых и лабораторных работ) можно ограничить область распространения предполагаемого сырья, либо при удаче найти конкретное место его взятия.

Детальное сопоставление типолого-хронологических характеристик изваяний с данными археопетрографии, кроме проблемы депаспортизации, ставит на повестку дня, как минимум, еще и такие вопросы: в какой степени и при каких обстоятельствах выбор камня

мастером определялся близостью подходящего для ваения материала, и какие факторы на него могли еще воздействовать. Точнее, насколько мастер с течением времени становился зависим от своеобразной моды на породу камня, его цвет, твердость и зернистость? Имели ли значение в этом выборе степень мастерства мастера, необходимость сделать работу, как можно быстрее и т.д.?

В то же время можно говорить, что выбор камня, похоже, никак не коррелируется по социальному и половозрастному признакам, не зависит от временных и территориальных рамок. Другое дело – отсутствие таких мотивировок у кочевников на определенный период времени в принципе.

Сейчас, в целом, ясно, что, как минимум, для восточноевропейских скульптур парадигмы в традиции изготовления изваяний с течением времени, несомненно, менялись. Во всяком случае, в пик расцвета традиции ваения использовались наиболее мягкие породы камня – мелкозернистый песчаник светлых оттенков и особенно мел, на которых можно было отразить тонкие детали одежды, оружия, украшений, причесок, лиц и другие нюансы иконографии. Не исключено, что археопетрография позволит выйти и на выяснение других сопутствующих вопросов, которые на сегодняшний день еще даже не поставлены, но при этом, еще раз подчеркну, важно иметь минералогические и петрографические характеристики образцов камня, которые получены с помощью шлифов.

Литература

Гераськова Л.С. Скульптура середньовічних кочовиків степів Східної Європи. К.: Наукова думка, 1991. 130 с.

Евглевский А.В. Об антропогенных факторах разрушения каменных изваяний // Археоминералогия и ранняя история минералогии. Материалы Международного семинара. Сыктывкар, Республика Коми, Россия. 30 мая – 4 июня 2005 г. Сыктывкар, 2005. С. 15–16.

Ісаєва І.В. Застосування петрографо-мінералогічного методу при вивченні тюркських каменних статуй // Наукова парадигма географічної освіти України в ХХІ столітті: Збірник наукових статей ІІ міжвузівської науково-практичної конференції 22 грудня 2006 року. Донецьк: ДОУ, 2006. 408 с.

Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния // САИ. Вып. Е4-2. 1974. 200 с.

И.К. Новиков¹, А.С. Порываев², К.Н. Мергенева¹

¹ – Курганский государственный университет, г. Курган, novikov2479@mail.ru

² – Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

К вопросу интерпретации массовых материалов в археологии нового и новейшего времени (по материалам культурного слоя г. Кургана)

Исследование археологическими методами материалов нового и новейшего времени позволяет соотнести исследуемые объекты и полученные материалы с архивными данными. Это открывает абсолютно новые возможности в изучении территорий, показывает последовательность явлений исторического периода в целом, и позволяет углубиться в мелкие детали, находки обретают лицо, собственника, место производства и прочую информацию, которая в более ранние периоды носит обычно уникальный характер.